

М.Н. Сербул

Пугачев

Пугачев Емельян — центральный персонаж повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» — первый раз появляется в повести в ореоле тайны. Это неизвестный из метели, выведший заблудившегося Гринева к жилью. Он именуется автором «бродягой», «вожатым», ведет странный «воровской» разговор с хозяином постоялого двора, очень похожего на «разбойническую пристань». Пугачев в первую же встречу изумляет Гринева сметливостью и «тонкостью чутья», а хладнокровие его вселяет в заблудившегося юношу уверенность. «Замечательною» Гриневу показалась и «наружность» вожатого: «он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В черной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волосы были обстрижены в кружок; на нем был оборванный армяк и татарские шаровары».

Образ Пугачева и его дальнейшее участие в судьбе Гринева спроецированы на страшный сон юноши, приснившийся ему в то время, когда вожатый выводит кибитку к умету. Мужик с черной бородою и веселым взглядом лежит в постели отца Гринева, а матушка, называя его Андреем Петровичем и «посаженым отцом», просит Петрушу «поцеловать у него ручку» и попросить благословения. Сон полон контрастов: мужик — «страшный», он машет топором, комната наполняется мертвыми телами. Гринева спотыкается о них, скользит в кровавых лужах, но Гринева «страшный мужик» «ласково кличет», приговаривая: «Не бойсь, подойди под мое благословение». Пятидесятилетний Гринева-повествователь усматривает в этом сне нечто пророческое, когда связывает его со «странными обстоятельствами» своей дальнейшей жизни: впереди будет опять встреча с «мужиком с черной бородою», и связанные с ним кровавые убийства, и расправа с офицерами Белогорской крепости, когда Гринева казаки потащат к виселице с ободряющим «не бось, не бось», и помилование с требованием «поцеловать ручку» самозванцу, и покровительство Пугачева Гриневу и «бедной сироте» с его желанием стать «посаженым отцом».

Второй раз Пугачев появляется в романе как «мужицкий царь» Гринева его видит сидящим «в креслах на крыльце комендантского дома. На нем был красный казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза». Его поведение и речь совпадают с народными (по большей части фольклорными, легендарными) представлениями о крестьянском царе. Гриневу, попавшему в лагерь Пугачева, все происходящее с ним напоминает сказку («чудесные обстоятельства», «странное сцепление обстоятельств»). Сам Пугачев по отношению к Гриневу ведет себя как справедливый царь из сказки, за «добродетель» награждающий царской «милостью»: «...Я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты мне оказал услугу. <...> То ли еще увидишь! Так ли еще тебя пожалую, когда получу свое государство». Он по-царски великодушен к Гриневу, отказавшемуся ему присягнуть, но обратившемуся за помощью: «Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай». Он вступает за «сироту» и, освобождая Машу из заключения у Швабрина, обращается к ней: «Выходи, красная девица; дарую тебе волю. Я государь».

Пугачев, выступая в роли государя, стремится на народе следовать особому «царскому» ритуалу: жители Белогорской крепости присягают ему, целуя распятие и кланяясь; ему подводят белого коня в богатой сбруе, и два казака, взяв под руки, сажают его в седло; он «мечет» медные деньги своим «подданным»; жалуется «лошадь и шубу с своего плеча» Гриневу. Легендарная молва сопровождает Пугачева в народе. «Батюшка» — «персона знатная: за обедом скушать изволили двух жареных поросят... А в бане, слышно,

показывал царские свои знаки на груди: на одной двуглавый орел, величиною с пятак, на другой персону его», – сообщает Гринева сопровождающий его казак.

Дворец Пугачева — изба, стены которой оклеены золотою бумагою, хотя все остальное было «как в обыкновенной избе». Впрочем, и царская шуба с лошадыю оказались овчинным тулупом и «башкирской долговязой клячей». Со своими товарищами Пугачев демократичен и держится на равных. Гринева отмечает: «Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю». Дистанция между «царем» и его «енаралами» устанавливается только для человека стороннего. Когда Гринева, захваченного бердскими казаками, приводят во «дворец» к «батюшке», Пугачев встречает его, сидя «под образами, в красном кафтане, в высокой шапке и важно подбочась. Около него стояло несколько из главных его товарищей, с видом притворного подобострастия». «Видно было, – отмечает Гринева, – что весть о прибытии офицера из Оренбурга пробудила в бунтовщиках сильное любопытство и что они приготовились встретить меня с торжеством». Вместе с тем вся «поддельная важность» слетает с Пугачевым, когда он узнает в захваченном офицере Гринева. Он с живостью и участием спрашивает его о делах; да и в самом обращении к Гринева, которого Пугачев называет «ваше благородие», содержится не только известная доля иронии, но и некая социальная дистанция, существующая между дворянином и простым казаком.

В характере Пугачева Гринева постоянно отмечает что-то плутовское и одновременно по-детски простодушное, проявляющееся, например, в его хвастливых речах о победе в сражении под Юзеевой или в сцене с Савельичем, подавшем «батюшке» «реестр барскому добру, разграбленному злодеями». Плутовское выражение на лице у Пугачева появляется, когда он разыгрывает перед Гриневым государя, вместе с тем с насмешливым любопытством ожидая реакции юноши. Пугачев ведет с ним опасные разговоры, задавая вопросы, которые позволяют оценить меру искренности и храбрости Гринева: «Струсил ты, признайся, когда молодцы мои накинули тебе веревку на шею?»; «Обещаешь ли служить мне с усердием?»; «Кто же я таков, по твоему разумению?»; «Страшно тебе?» и т. п. Честный и прямой ответ Гринева — «...кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку» — позволяет Пугачеву раскрыться перед молодым офицером в своих потаенных мыслях, то есть фактически признаться в самозванстве: «Так ты не веришь, ...чтоб я был государь Петр Федорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал?»

Пугачев отчетливо осознает свою обреченность, ожидая предательства прежде всего со стороны своих сподвижников: «Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою». Исполненный жалости Гринева предлагает Пугачеву прибегнуть к «милости государыни». Но Пугачев понимает, что ему не будет помилования. Он предпочитает надеяться на чудо: «Буду продолжать, как начал. Как знать? Авось и удастся! Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою».

Пугачев — яркий народный тип. Связь его образа с русским фольклором конкретна и очевидна. Это проявляется не только в каноне «мужицкого государя», которому следует Пугачев, но и в его образе мысли и складе речи, пересыпанном пословицами, поговорками, поэтическими иносказаниями. Фольклорная традиция поднимает образ Пугачева на трагическую высоту. Свою «любимую песенку» «Не шуми, мати, зеленая дубровушка», «простонародную песню про виселицу», распевает Пугачев со своими товарищами, потрясая Гринева «каким-то пиитическим ужасом». Философия же жизни Пугачева сформулирована в старой калмыцкой сказке об орле и вороне, которую Пугачев рассказывает Гринева с «каким-то диким вдохновением». Для Пугачева, как и для орла из сказки, «чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там, что Бог даст!». Характерно, что Гринева делает из сказки для себя иной нравственный вывод, чем удивляет Пугачева: «...жить убийством и разбоем значит по мне клеветать мертвечину».